
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Н. Л. ПУШКАРЕВА

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Женская и гендерная история стали стремительно развиваться в России примерно четверть века назад благодаря огромному историографическому наследию, накопленному русской классической историографией, а также влиянию основных концептов и теорий западной фило-софской мысли. В статье анализируется рост и укрепление указанного направления в последние 30 лет, а также контекстуальные различия и теоретические подходы в российских исследованиях женской и гендерной истории.

Ключевые слова: *женская история, гендерная история, гендерные отношения, социально-политический статус женщин в России, гендерные исследования, теоретические подходы гендерных исследований.*

Когда в 1976 году я делала свой первый студенческий доклад о положении женщин в Древней Руси, я и подумать не могла, что обращаюсь к теме, с которой свяжу всю свою научную жизнь. Прошлое казалось нам тогда универсальным – общим для всех, без различия пола. О том, что у женщин может быть свое, особое социальное прошлое, мало кто задумывался. И мне еще только предстояло прочесть слова Н. М. Карамзина. В 1802 году он мечтал об историке, «талантливое перо которого напишет историю русских женщин живыми красками любви к женскому полу и Отечеству» (Карамзин 1803: 294). Прошло более полутора веков, прежде чем эти слова были (вольно или нет) услышаны в России.

Что касается Европы, то там призыв написать историю женщин прозвучал в 1920-е годы из уст английской писательницы В. Вульф (Woolf 1929: 68), а затем перед самой Второй мировой войной был озвучен польской исследовательницей Л. Харевиновой на VII Между-

народном конгрессе исторических наук (Пушкарева 2002). Харевичова погибла в фашистском застенке, и прошли десятилетия, прежде чем – в конце 1960-х годов – гуманитарии ряда стран задумались над тем, не является ли *пол* таким же социальным определителем, как *класс* или *этнос*.

Чтобы такая революция в мире идей стала возможной, нужны были определенные социально-политические и теоретико-методологические предпосылки.

Социально-политические предпосылки. Во-первых, рождение направления подготовили молодежные движения конца 1960-х годов, поставившие под сомнение всю систему ценностей и ориентиров старшего поколения. Научное сообщество и общество в целом оказались подготовленными к восприятию новых концепций.

Во-вторых, свою роль сыграла сопровождавшая молодежные движения сексуальная революция. Она позволила свободно говорить о проблемах пола, открыла для обсуждения в СМИ (а не только в научной литературе) ранее табуированные темы.

Третьим фактором оказалось оживление феминизма – его так называемая вторая волна. Если первая волна женского движения (XIX век) была борьбой за равенство (а потому и феминизм первой волны именуют *феминизмом равенства*) (Тишкин 1984), то феминизм XX века оказался *феминизмом различий*. Он поднял проблему женской «особости», отличности от мужчины, проблему свободной, автономной женской личности, потребовал продумать, как обеспечить возможности реализации ее прав.

Взлет феминизма оказал огромное влияние на интеллектуальную жизнь в Европе и США. Многие ученые избрали объектом изысканий женщину – в семье и на производстве, в системах права и образования, в науке и культуре (Scott 1974).

Общенаучные предпосылки исследований темы пола многочисленны и разнообразны. Основными, на мой взгляд, можно считать следующие. *Теория научных революций* Т. Куна позволила увидеть в истории науки последовательную смену научных парадигм. Веками считалось, что половые различия предопределены Природой. Но пришло время – и очевидное было подвергнуто сомнению, различия между полами предстали *не* вечными, *не* созданными самой Природой, а исторически меняющими свою конфигурацию. Помимо концепции Куна к предпосылкам возникновения нового направления стоит отнести *кризис великих объяснительных парадигм* –

марксизма и структурализма. Они во всем искали типическое и реконструировали «макроисторию» – истории крупных социальных движений, значимых политических катаклизмов, процессов большой длительности (*longue dureé*) (Sargent 1986; Marcuse 2006).

Раскритиковав всеобщность с ее представлением о неизменных ценностях, выдающийся культуролог М. Фуко с присущим ему интересом к предметам, ранее *не* считавшимся «историчными» (тюрьме, безумию, сексуальности), подарил гуманитарной науке образцы пресловутой междисциплинарности. *Междисциплинарность* раздробила историю, ранее претендовавшую на всеохватность, разбила прежнюю всеобщую историю на множество «историй». Науки о прошлом обрели новые связи – с социологией, социальной антропологией, демографией, политологией, языкознанием и т. д. Историки увлеклись реконструкцией прошлого, каким оно виделось и переживалось не только победителями, но побежденными и маргиналами – больными, заключенными, беспомощными стариками, короче, «не-героями» прошлого. И женщины были среди них!

Еще одним теоретическим источником женских исследований стала новая гуманистическая психология, или «движение за человеческий потенциал» К. Роджерса и А. Маслоу, – признание права каждого человека быть самим собой, сопротивляться давлению среды. Эти взгляды оказались также созвучны женщинам, в том числе женщинам-историкам, которые захотели разглядеть в прошлом борьбу за свои, женские, интересы (Hubbard *et al.* 1982).

Социолого-демографические предпосылки. Историческая наука второй половины XX века заметно феминизировалась. Во всем мире число представительниц интеллектуальной элиты быстро росло: в жизнь вступило поколение, рожденное после войны, не знавшее связанных с гендерной асимметрией препон в получении образования (Riley 1988).

Правда, в основном это были женщины, пришедшие в систему «научного обслуживания»: доля исследовательниц с должностями и званиями увеличивалась очень медленно. Обращение к опыту предшественниц оказывалось основой для пробуждения социального женского самосознания и коллективных действий. «Личное» становилось «профессиональным», а затем и «политическим». Женщины-ученые задумались: как получилось, что они – заведомо *не-главные* в науке?

Поскольку вектор развития был задан в университетах США, постольку новое направление в гуманитаристике получило английское название «женские исследования» (*women studies*). Так был назван первый спецкурс сотрудницы Корнелльского университета Ш. Тобиас. Под «женскими исследованиями» она имела в виду исследования на «женскую тему», проведенные чаще всего самими женщинами. В 1975 году Н. Коч сконструировала термин «феминология». Под этим названием *women studies* проникли в российский научный дискурс и закрепились в нем. У феминологии как направления сразу определились отличительные черты: ориентация на *критику наук*; направленность на *критику общества, связанную с женским движением*; работа на *пересечении научных дисциплин* (Perrot 1988).

Рождение исторической феминологии

В среде западных историков на появление *women studies* вначале откликнулись феминистки. Они первыми решили разобраться, как случилось, что прежняя картина прошлого, в которой женщин почти не видно, усвоена как «нормальная» и «всеобщая» и почему на долю женщин выпало особое забвение, как бы подчеркивающее их неглавное место в этом мире, меру уважения к ним. Забвение женщин веками распространялось на нескольких уровнях, перекрывающих друг друга (Boxer *et al.* 1987).

О женщинах долго молчало *общество*, поскольку их не было в общественном пространстве («Женщине не место на публике», – полагали еще во времена Пифагора, но сам-то он женился на Теано, одной из своих учениц, которые все-таки были в его окружении... Однако не только тогда, но и многие века спустя женщин в общественном пространстве было очень и очень мало).

Следствием молчания общества была *скудость следов*, оставленных женщинами, скрывавшимися вечно за бесполом «они» и поздно обретшими право голоса в мемуарах, письмах и дневниках.

Наконец, последней толщей молчания – можно сказать и так – было *молчание исторического повествования* (Lerner 1989: 454). Историческое повествование отдавало пальму первенства публичному пространству: событиям политическим, военным, религиозным. Даже школу «Анналов», критиковавшую традиционную историю, женщины поначалу не заинтересовали. Ее внимание было отдано экономике и социальным проблемам, классам, а не полу,

коллективному (и количественному), а не индивидуальному или биографическому. Таков был исторический пейзаж 1970-х годов, когда родился призыв написать историю «глазами женщин», с позиций женского социального опыта.

«Женские исследования» в истории рождались в муках, преодолевая насмешки. Так и положено рождаться новому. Чтобы отличить «женскую историю» от описания прошлого в общепринятом ключе, придумали даже новый термин. Поскольку привычное слово *history* (прочитывали как «*HIS story*», «Его история», «история мужчины»), положение должен был исправить неологизм *herstory* («*HER story*», «Ее история», «история женщины») (Davin 1988).

Термин не прижился, но число «историков женщин» стремительно росло. Сначала в США, а затем во многих странах Европы возникли факультеты и исследовательские проекты, группы и лаборатории, работающие в этой области. Лозунг феминисток «второй волны»: «Все женщины – сестры!» – услышали во многих странах. В Англии роль первопроходца сыграл журнал «Историческая лаборатория» (*History Workshop*). В США расширяющееся поле «женских исследований» породило такие журналы, как «Знаки» (*Signs*) и «Феминистские исследования» (*Feminist Studies*). В других странах возникли «Журнал женской истории» (*The Journal of Women's History*), австро-германский ежегодник «Человек» (*L'Homme. Zeitschrift für feministische Geschichtswissenschaften*), французский «Клио» (*Clio: Histoire, Femmes et Societe*) (Kandel 1980). Историки из восточноевропейских стран предпочитали не замечать нарождающегося направления. Исключением была Польша – там женская история развивалась (Пушкарева 1998).

С начала 1980-х годов «история женщин» стала сближаться с феминистской теорией. Но поскольку не все ученые согласились разделить феминистские воззрения, с того времени «женские исследования в истории» оказались разделены на два течения. Одно выражено попытками изучать женщин в истории, опираясь на понятия феминизма: женский социальный опыт, женское сообщество, женское письмо, женская идентичность, женская аксиосфера, женское видение мира и т. п. Другое отрешивается от феминизма как теории и политического движения, претендуя на создание исследований, свободных от идеологического давления и «заданности». Приверженцы обоих течений представлены в созданной в 1989 году и существующей поныне Международной федерации исследо-

вателей женской истории (МФИЖИ). На первом конгрессе МФИЖИ историков женщин было около восьмидесяти, и представляли они около полусотни стран. Ныне, спустя почти три десятилетия, в МФИЖИ входят почти 100 стран, и на конгресс ее съезжаются по несколько сотен участниц (Пушкарева 1996).

От женской истории – к гендерной

К концу 1980-х годов социально-политический контекст развития гуманитарного знания изменился. Идеи противостояния – как в мировой политике, так и в науке – уступили место идеям терпимости. Феминологи задумались: могут ли они преодолеть в изменившемся контексте «островное» положение женских исследований?

На помощь пришла концепция гендера. Гендерная концепция заставляет сделать предметом изучения социально-культурные проявления половой принадлежности, различия полов, созданные культурой и историей. Термин «гендер» впервые использовал в конце 1950-х годов американский психоаналитик Р. Столер, который и предложил прибегать к нему всякий раз, когда мы хотим отделить понятие «пол в социальном контексте» от понятия «пол в биологическом и сексуальном смысле слова» (Пушкарева 2007).

Гендер – это, во-первых, социально-культурные проявления половой принадлежности. Во-вторых, инструмент анализа, позволяющий выйти за пределы эмпирики. В-третьих, скальпель, вскрывающий ткань очевидного, – нет ничего очевиднее, чем различия полов, предопределенные природой.

В гендерной теории место знаменитого высказывания З. Фрейда «Пол – это судьба» занимает концепт «Пол – это репрезентация», т. е. своего рода театр, в котором каждый играет свою роль, исходя из предписаний, норм, стереотипов поведения, осознания своей идентичности (Scott 1986).

«Историки женщин» хотели *вписать* женщин в историю, заставить увидеть невидимок и услышать забытых и неслышимых. Гендерологи поставили задачу *написать другую* историю или, точнее, истории: не только женскую и мужскую истории, историю сексуальности и гомосексуальности, но и изменить облик исторических наук в целом. Они перелопатили груды архивных дел, реконструируя начальные страницы истории гендерного неравенства, описывая и анализируя механизмы иерархизации, создания условий для преимуществ одних перед другими. И они доказали, что отношение

к женщинам или представителям сексуальных меньшинств всегда определяется эпохой и культурой, а вовсе не Природой.

В отличие от специалистов по истории женщин, которые часто просто создают исторические портреты женщин определенного социального слоя или же описывают положение женщины в семье в разные эпохи, гендерологи уделяют куда больше внимания контекстуальному, выдвигая на передний план соотношения между социальной и гендерной иерархиями, социальной и гендерной мифологиями, социальной и гендерной историями.

Положение с «женскими исследованиями» в России

В конце 1980-х годов, когда вышли первые статьи автора этих строк и первая монография о русских женщинах, отечественные историки мирно творили в русле марксистской парадигмы. В нашей науке тогда господствовал концепт о решенности женского вопроса в СССР. Признанию «женской темы» самостоятельной проблемой мешали старые методологические подходы: Ф. Энгельс назвал досоциалистическое прошлое «историей всемирно-исторического поражения женского пола» (Энгельс 1961: 60). Искать свидетельства социального равенства или преимущественного положения женщин по сравнению с мужчинами, особенно в досоциалистических обществах, означало вступать в полемику с Энгельсом и всей идеологической системой, ведь она доказывала, что женщинам нужно «освободить», не иначе как «решив» женский вопрос в марксистском духе.

Тем не менее в 1980-е годы и у нас появились первые работы по истории женщин (Федосова 1975; Тишкин 1978; Пушкарёва 1983). Как вестернизация «варварской» России при Петре I не могла быть успешной без всех социально-культурных трансформаций XVII века, так и «доместикация» западных концептов (в том числе концепции *гендера*) в постсоветский период не могла бы быть успешной без теоретического и практического опыта предшественников – тех ученых, что занимались «женской темой» еще при социализме и собирали фактические данные в течение нескольких десятилетий развития догматизированной советской науки.

Другой вопрос – о признанности таких исследований в нашей науке. Это процесс длительный, и он, вероятно, не завершился до сих пор. Имеется множество причин того, что история социальных движений и конфликтов обходила в нашей стране историю женско-

го политического участия. Возьмите любой учебник – и вы найдете информацию о крестьянском движении, рабочем, национальном... О женском – ни слова, а все потому, что в советской науке не допускалось снисходительности к идеям феминизма. Благодаря усиленной антифеминистской пропаганде, начатой большевиками еще до революции, само слово *феминистка* воспринималось с усмешкой. Рождение в нашей стране женских исследований в истории произошло очень поздно и отнюдь не в «лоне» феминистского сознания (как на Западе). Зато история полов и гендерные исследования в истории лишены у нас запальчивости и радикализма, характерных для западного гуманитарного знания. Более академичные по характеру (чем, скажем, в США), они рождены не как ответ на «мужской шовинизм и сексизм», а как реакция на унификацию половых различий, характерную для советской идеологии.

Одновременно с ликвидацией монополии Комитета советских женщин, бездеятельной марионетки ЦК КПСС, были созданы вначале Московский, а затем и иные центры гендерных исследований. Постепенно они возникли в других университетах и вузах России: Петербурге, Самаре, Иванове, Томске, Петрозаводске...

Но историки остались поначалу в стороне от деятельности этих образований, и лишь спустя полтора десятилетия была создана «*Российская ассоциация исследователей женской истории*». В 2007 году она вошла в состав МФИЖИ. Ее первая конференция, проведенная в марте 2008 года, собрала более ста участниц из полусотни городов России. Она была приурочена к 100-летию Первого всероссийского женского съезда 1908 года, и многочисленные секции работали в течение трех дней. В настоящий момент Ассоциация уже зарегистрирована Министерством юстиции РФ как Межрегиональное общественное объединение, чьи научные форумы проводятся ежегодно, а сама она вошла как коллективный член в Международную федерацию исследователей женской истории (<http://www.ifrwh.com>).

Чего достигли «женские и гендерные исследования» в истории – на Западе и в России?

Тридцать с лишним лет моего личного участия в работе по развитию «женской истории» позволяют оценить основные успехи этого направления в исторических науках. Стало ли оно за это время самостоятельным и признанным, равноправным с историей уни-

верситетов, историей городов, историей общественных движений и т. д.?

Вначале об успехах.

Женщины (прежде всего – выдающиеся личности, но не только они) *вернулись* в общие курсы истории. Доказано, что полученное ранее «единое и полное» знание о прошлом таковым не является, потому что в нем почти отсутствуют женщины и сексуальные меньшинства, – а они имели во все эпохи свое мировидение и свою систему ценностей, порой не совпадавшую с доминирующей. Обоснован вывод о равнозначности для общества двух соединяющихся сфер или доменов существования – господства Мужчины (политика, дипломатия, военное дело) и господства Женщины (дом, семья, домохозяйство), который заставил изучать оба домена на равных. Историки женщин доказали, что сферы эти были не «сепаратными», но соединенными, равно значимыми для развития общества как целостного организма. Родились новые темы, которые ранее никто не считал бы достойными специального исследования: «история материнства», «история прислужничества и найма кормилиц», «история домашней работы и гувернерства», история практик, продуцировавших мужественность (политическое гражданство как клуб братьев, история военной службы и спорта). Введено новое измерение социально-экономической истории, ориентированное на такие темы, как «феминизация бедности», «женское лицо» безработицы, политэкономия домашней работы, – категория пола признана одним из структурообразующих экономических принципов.

Немалое значение имеет и развенчание мифов, *мужского мифотворчества* в социальной истории, и тем самым поставлены под сомнение оценки некоторых процессов и даже эпох¹. Гендеролога-

¹ Скажем, исследования по интеллектуальной истории показали, как в европейской науке XIX века родился миф о существовании когда-то «власти женщин», матриархата – социальной системы, которой не было нигде и никогда. Другой пример. Такие явления, как античная цивилизация, эпоха Ренессанса, великих буржуазных революций, выглядят прогрессивными только в системе мужских абстракций о Добре и Счастье. «Демократическая афинская цивилизация» предполагала содержание женщин в гинекеях (женских половинах домов). Европейский Ренессанс означал для женщин вытеснение с рынка труда, признание домашней экономики (где они властвовали) малозначимой, а в области культурной – «одомашнивание» жен буржуа. Именно на эпоху Возрождения пришла и «охота на ведьм», и псевдонаучные дебаты на тему: «Человек ли женщина?» Развитие технологий не привело к освобождению женщин ни на работе, ни дома, а «век демократических преобразований» исключил женщин из сферы политического участия: ведь славные буржуазные революции –

ми убедительно показано, как акторы истории могут превращаться из «творцов» истории в ее «жертв». Сторонники гендерного направления заставили исследовать множественные формы сексуальности в различных культурах, однозначно отрицательно ответив на вопрос: является ли преобладающая – гетеросексуальная – форма единственной? Они поставили на научное обсуждение вопрос о том, как, с каких пор гетеросексуальность была превращена в норму, исключаящую, отвергающую, клеймящую позором все другие...

Не менее существенно то, что женской и гендерной истории удалось реабилитировать феминизм как политику, в основе которой лежит принцип свободы выбора женщиной пути самореализации. Это заставило признать феминистскую идею личностного становления женщины как основы ее эмансипации и освобождения общества от стереотипов.

Получена возможность обнаружить непривычное в привычном (мужскую дискриминацию и подчинение в патриархатном обществе) и понять конструирование иерархий как взаимодействие, а не однонаправленный процесс... Выявлено множество точек соприкосновения гендерной истории с «устной историей», что помогает озвучить всех «исчезнувших, молчащих и противящихся». «Устная история» стала пограничным полем между историей, психологией и социологией, позволив дисциплинам использовать методы, подходы и преимущества друг друга. «Другая история» или, точнее, «другие истории» предполагали реконструкцию прошлого «другими глазами» – глазами ребенка, старика, гомосексуалиста и, конечно же, женщины.

Власть, проанализированная в рамках гендерной концепции, оказалась «распыленной» повсюду, неформальной, непредсказуемой, требующей комплексного рассмотрения. Социальная структура – при гендерном подходе и с учетом исторической изменчивости – потребовала многомерного подхода, а не простого вписывания женщин в уже известные элементы этой конструкции². В итоге

включая Великую французскую – не торопились распространить на женщин лозунг: «Свобода, равенство, братство!»

² Скажем, распространенность фигурок женских божеств, держащих в руках различные культовые предметы-символы социального влияния, говорит о значительности формальной власти женщин в данной социальной структуре. Напротив, распространение символов женской пассивности, в том числе в иконографии – женщин с детьми на руках, как это типично для раннесредневековой Европы, свидетельствует об ином типе социального поведения. Од-

анализ прошлого превращен в инструмент решения современных задач (скажем, о путях маргинализации, «забывания» той или иной социальной группы, о ее правах).

За почти полвека существования нового направления историки научились рассматривать не пол сам по себе и не только взаимоотношения полов, но именно множественность социальных связей, не упуская при их рассмотрении фактора пола и гендерного взаимодействия. Это сделало картину прошлого объемнее, полнее, помогло преодолеть узость отдельных «историй», рожденных в 1970-е годы, – женщин, мужчин, «третьего пола». Вот почему функция гендерной истории оказывается не только комплементарной (дополнительной по отношению к традиционной), не только компенсирующей (нехватку чего-либо: скажем, женских имен в учебниках) и не только пересматривающей (старые представления, старые подходы), но именно *синтезирующей*.

Причины сохраняющейся непопулярности «женской темы» в отечественной исторической науке

Если институционализация новой дисциплины шла так успешно, то почему «женская история» и гендерные исследования прошлого до сих пор не нашли себе места в системе исторического образования России? Почему признанное за рубежом направление научных изысканий историкам России неизвестно и не нашло отражения в учебниках, где женские имена (если это не правительницы страны) – редкость? Выделю несколько причин.

1. Образовательная литература для школьников и студентов остается симбиозом марксистско-ленинского социально-экономического детерминизма и традиций государственной школы отечественной историографии. В ней женщинам места нет. Простой человек, его интересы, *история повседневности так и не попали в учебную литературу*. Поэтому нет в ней и «женской составляющей» – ведь история материнства, семейного воспитания, традиций питания считаются «слишком этнографическими» сюжетами и «частностями» по сравнению с событийной политической историей.

нако связи символов и поведения могут быть куда менее примитивными. Скажем, образ Богородицы и житийные клеймы, рассказывающие о том, как Богородица воспитывала сына, одновременно отражали и формировали представления о том, что является символами частной сферы (купание, еда, забота как общее понятие) в противовес сфере публичной. Причем понятия частного/публичного и природного/культурного также были и остаются довольно изменчивыми.

2. *Социальный заказ отсутствует*: считается, что исследования социологов, психологов, медиков или демографов могут иметь конкретный практический выход, а знание деталей женской истории ничем не может помочь современным социальным работникам или воспитателям.

3. «Женская тема» *считается чем-то* иллюстративным для историописания. Аналитичность, критичность направления ускользают – а в итоге в истории социально-полового (гендерного) неравенства наши историки будто и не видят модели для изучения социального неравенства и социальных конфликтов и не догадываются о том, что гендерное неравенство – исторически первая форма социальной асимметрии.

4. В России – в отличие от Запада – «женский вопрос» решался на государственном уровне десятилетиями (патерналистская составляющая в нашей стране была всегда сильна) и *считался «решенным»*.

5. «Женские исследования» не «звучали» в российском политическом контексте в отличие от западного в силу *традиционности, патриархатности большинства социальных структур*. Так или иначе, проблема борьбы за соблюдение прав женщин не стала в России одной из составляющих борьбы за права человека, как это произошло на Западе³.

6. Отношение к понятию «феминизм» (а с ним было связано возникновение всего направления *women studies*) остается в России – если говорить о бытовом, профанном уровне знания – в большинстве случаев *негативным*.

7. В крупнейших российских университетах нет *подготовленных специалистов-гендерологов*, курсы по «женской истории» читаются энтузиастами в российской провинции – в Твери, Иваново, Петрозаводске, Самаре.

8. Гуманитарно-академическая среда с *большим трудом* и напряжением *воспринимает импульсы междисциплинарных исследовательских подходов* (скажем, метод устного интервьюирования, «устной истории») с большим трудом институционализируется в

³ Несмотря на то, что феминизм как политическое течение развился в России одновременно с ведущими странами Запада (т. е. в середине позапрошлого века), он не мог получить широкого распространения: Россия была страной «запаздывающей модернизации», большинство населения составляло крестьянство, а в крестьянских семьях женщины были жестко подчинены традиционным правилам, религиозным нормам. Западный феминизм как теория насчитывает несколько столетий, а российский – всего полтора века.

системе традиционных исторических исследований), а женские исследования в истории настойчиво требуют междисциплинарности.

* * *

Изучая прошлое женщин и гендерную историю, приверженцы описываемого направления ищут ответ на собственные размышления «о времени и о себе», о своем месте в мире и востребованности проводимых ими исследований. Подводя итоги и задумываясь над судьбой «истории женщин» и гендерных исследований в России, я с оптимизмом смотрю в будущее и говорю с уверенностью: направление выживет, несмотря на катаклизмы. Поколения историков, которые придут следом, конечно же, покажут, сколь многого мы недочитали, недосмотрели в архивах, недопоняли, и с решительностью неопитов продвинут изучение женской и гендерной истории куда дальше всех нас, своих предшественников, включая и западных коллег.

Не стоит лишь забывать, что первый шаг был самым трудным. Но те, кто его сделали, не ропщут. Они вознаграждены обаянием открытия.

Литература

Карамзин, Н. М. 1803. Известие о Марфе-Посаднице. *Вестник Европы* IX(12): 294–302.

Пушкарева, Н. Л.

1983. Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. *Вестник МГУ. Серия 8. История* 3: 78–89.

1996. Женская история в России: приоритеты, направления, методы. *Женщина в российском обществе* 4: 11–24.

1998. Гендерный подход в исторических исследованиях. *Вопросы истории* 6: 41–62.

2002. *Русская женщина: история и современность*. М.: Ладомир.

2007. *Гендерная теория и историческое знание*. СПб.: Алетей.

Тишкин, Г. А.

1978. Н. Г. Чернышевский и проблемы женской эмансипации. *Вестник Ленинградского университета*. Т. 20. *История, язык, литература* 4: 32–36.

1984. *Женский вопрос в России в 50–60-е гг. XIX в.* Л.: Изд-во ЛГУ.

Федосова, Э. П. 1975. Бестужевские курсы. *Вопросы истории* 11: 216–220.

Энгельс, Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Соч.* Т. 21, с. 23–178. М.; Л.: ГИЗ.

Boxer, M. J., Marilyn, J., Quataert, J. H. (eds.) 1987. *Connecting Spheres: Women in the Western World, 1500 to the Present*. N. Y.: Oxford University Press.

Davin, A. 1988. Redressing the Balance or Transforming the Art? The British Experience. In Kleinberg, S. J. (ed.), *Retrieving Women's History. Changing Perceptions of the Role of Women in Politics and Society*, p. 101–124. Berg: UNESCO Series in Women's Studies, Berg-Publications.

Hubbard, R., Henifin, M. S., Fried, B. (eds.) 1982. *Biological Women, the Convenient Myth*. Cambridge, Mass.: Schenkman.

Kandel, L. 1980. L'explosion de la presse féministe. *Le Debat (Mai)* 1: 104–119.

Lerner, G. 1989. Welchen Platz nehmen Frauen in der Geschichte ein? Alte Definitionen und neue Aufgaben. *Denkverhältnisse. Feminismus und Kritik*. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, s. 454–487.

Marcuse, H. 2006. Marxism and Feminism. *Feminist Theory and the Frankfurt School* 17(1): 147–157.

Perrot, M. 1988. Making History: Women in France. In Kleinberg, S. J. (ed.), *Retrieving Women's History. Changing Perceptions of the Role of Women in Politics and Society*, p. 16–47. Berg: UNESCO Series in Women's Studies, Berg-Publications.

Riley, D. 1988. *Am I That Name? Feminism and Category of 'Women' in History*. London: Macmillan.

Sargent, L. (ed.) 1986. *The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism*. London; Boston: South End Press.

Scott, H. 1974. *Does Socialism Liberate Women?* Boston: Beacon Press.

Scott, J. 1986. Gender: a Useful Category of Historical Analysis. *American Historical Review* 91(5): 1053–1075.

Woolf, V. 1929. *A Room of One's Own*. London: Harvest Books.